

СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕРЪ
„ОБЪ УЧАЩИХСЯ“

НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 16

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1913

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА СЪ ДОСТАВКОЙ И ПЕРЕСЫЛКОЙ

19 СЕНТЯБРЯ.

На годъ — 6 руб. 50 коп.; на полгода — 3 руб. 25 коп.; на три мѣс. — 1 руб. 75 коп.; на 1 мѣс. — 60 коп.

Цѣна объявленій за строку нонпарели 60 коп.

Адресъ конторы и редакціи: СПБ., Невскій пр., 98. Телефонъ № 59-07.

Рис. Ре-Ми.

ЮНОШЪ.

Юноша вышелъ на жизненный путь,
 Гордый красивымъ нарядомъ.
 Горькая „суть“ и унылая „жуть“ —
 Чужды восторженнымъ взглядамъ.
 Вдвинутый въ шапку и въ новый мундиръ,
 Баловень жизни и „нормы“
 Жаждетъ и весь обездоленный мѣръ
 Втиснуть въ красивыя формы.

Юноша! Скажемъ тебѣ, не тая,
 Правду о нашей отчизнѣ:
 Скоро слиняетъ твоя чешуя
 Въ омутъ будничной жизни;
 Смѣлыхъ желаній, спасающихъ мѣръ,
 Блики угаснутъ цвѣтные;
 Мѣру же новый парадный мундиръ
 Вышьютъ иные „портные“.

В. В. В.

ПРОФЕССОРЪ ПО НАЗНАЧЕНЮ.

Синій снопъ ночного свѣта,
 Распыленный въ свѣтѣ газа,
 Бродить въ нѣдрахъ кабинета
 Переливами алмаза.
 Серебристыя иголки,
 Мимолетныя, какъ мѣги,
 Умирають возлѣ полки,
 Гдѣ спокойно дремлють книги.
 На изгибахъ переплета,
 На изломанномъ обрѣзѣ —
 Червонѣтъ позолота,
 Какъ насѣчка на желѣзѣ.
 Тамъ, гдѣ блики выше полокъ
 Тонкимъ кружевомъ повисли, —
 Что ни книга, то — осколокъ
 Зафиксированной мысли;
 Въ книгѣ каждая страница
 Замурованная глухо —
 Одинокая гробница
 Человѣческаго духа;
 И въ мистическомъ оскалѣ
 Истлѣвающей бумаги
 Видно все, чего искали
 Мудрецы, жрецы и маги:
 Весь бездонный мѣръ явленій,
 Каждый вздохъ воды и суши —
 Въ лучшихъ людяхъ поколѣній
 Возбуждалъ умы и души;
 Разрушая всѣ препоны,
 Изъ избытка впечатлѣній
 Смѣло выявилъ законы
 Человѣка свѣтлый геній;
 Кѣмъ-то понята дали,
 Заключенныя въ границы,
 Какъ кристаллы, осѣдали
 На упрямыя страницы;
 И сверкающія грани
 Сквозь мерцанія эфира,
 Какъ на сказочномъ экранѣ,
 Отражаютъ душу міра...
 Синій снопъ ночного свѣта,
 Распыленный въ свѣтѣ газа
 Бродить въ нѣдрахъ кабинета
 Переливами алмаза...

А у полокъ, точно лавочникъ,
 „Господинъ“ съ тупою миною
 Углубился носомъ въ „справочникъ“
 За „Атвудовой машиною“.
 Завтра утромъ будетъ лекція,
 Значитъ, нужно въ „Гютте“ справиться.
 Разъ назначила инспекція, —
 Можетъ, кто-нибудь и явится.
 Прошлый разъ аудиторія
 Не являла лицъ скучающихъ, —
 Кромѣ сторожа Григорія
 „Господинъ“ не видѣлъ „чающихъ“.
 Что же? Можно и безъ публики
 Отдавать свой долгъ „ученію“, —
 Все равно получитъ рублики
 „Педагогъ по назначенію“.
 И упрямо, точно лавочникъ,
 „Господинъ“ съ тупою миною
 Долго, долго мучитъ справочникъ
 Съ пресловутою машиною.

Владиміръ Войновъ.

ТЫСЯЧЕЛѢТНЯЯ ВОИНА.

Вражда между малолѣтними людьми и многолѣтними существуетъ уже много вѣковъ.

Еще древніе греки прославились тѣмъ, что любили древними розгами съечь своихъ древнихъ малолѣтнихъ дѣтей.

Древніе взрослые римляне тоже были не дураки пороть своихъ дѣтей.

У нынѣшнихъ народовъ, по причинѣ исчезновенія лѣсовъ, пороть стали рѣже, но это не доказываетъ, конечно, что вражда пошла на убыль.

Наоборотъ, въ послѣдніе годы, вражда между малолѣтними и многолѣтними еще болѣе обострилась.

Съ особой яркостью вражда эта выступаетъ въ началѣ учебнаго сезона, на такъ называемыхъ экзаменахъ.

Въ нынѣшнемъ году взрослые одержали рядъ блестящихъ побѣдъ надъ своими малолѣтними врагами въ горячихъ схваткахъ на экзаменахъ.

Въ одной изъ гимназій на Югѣ (и вовсе даже не въ Одессѣ) на урокъ исторіи ученикамъ былъ предложенъ слѣдующій вопросъ:

„Мой первый слогъ напоминаетъ вкусную, хотя и костлявую рыбу.“

Мой второй слогъ вы часто услышите въ театрѣ, когда поетъ Шаляпинъ.

Все же вмѣстѣ взятое — имя персидскаго царя. Кто этотъ царь и въ какомъ вѣкѣ онъ жилъ?“

Никто, конечно, не зналъ.

— Стыдно! — сказалъ учитель: — Такая простая вещь, а вы не знаете.

И онъ объяснилъ:

— Имя персидскаго царя Камъ (камбала — рыба) и Бизъ (бист) — Камбизъ.

Всѣ, конечно, получили по единицѣ, а нѣкоторые даже по нулю.

Въ другой гимназій (таки да не въ Одессѣ) учитель русскаго языка спросилъ:

— Какъ звали по отчеству Лермонтовскаго Демона?

Всѣ молчали. Учитель, прождавъ нѣсколько минутъ, разразился бранью:

— Ничего не понимаете! Ничего не знаете! Всѣмъ по колу.

Ученики, получивъ заслуженные имъ колы и успокоившись на этомъ, пристали къ учителю съ просьбой сказать имъ, какъ звали по отчеству Демона.

— Демонъ Эфировичъ! — отвѣтилъ учитель. — Помните, что у Лермонтова сказано:

„Тебя я, вольный сынъ эфира,
 Возьму въ надзвѣздные края...“

Ученики потупили глаза, поникли головами и покраснѣли со стыда.

Дѣйствительно, какъ не понять такой простой вещи!

Какъ не догадаться, что сынъ Эфира — по отчеству Эфировичъ?

Въ одной гимназій на Сѣверѣ (думаете, Петербургъ? Не угадали-съ!) въ подготовительномъ классѣ задали такую задачу:

— Отцу 12 лѣтъ; мать на 3 года моложе отца; старшій сынъ на три года моложе матери; младшая дочь на три года моложе брата.

Спрашивается: На сколько лѣтъ отецъ будетъ моложе сына черезъ сто лѣтъ, если онъ умретъ на пятидесятомъ году своей жизни, а сынъ на семьдесятъ пятомъ году?

Приготовишки покрыли позоромъ свои коротко-стриженные волосы — задачи не рѣшили.

Имъ предложили другую задачу съ простымъ извлеченіемъ квадратнаго корня и всего лишь съ тремя неизвѣстными.

Но пригостишки заявили:

— Мы не дровосѣки и не зубные врачи, чтобы извлекать корни. Да и инструментовъ у насъ никакихъ нѣтъ. Сказали-бы раньше, мы-бы захватили съ собой.

Пригостишки были посрамлены, „зарѣзаны“ и наказаны.

Но самое сильное поражение понесли ученики одной гимназіи на Юго-Западѣ (причемъ тутъ Вильно?) въ стычкѣ съ „грекомъ“ и „римляниномъ“.

„Грекъ“ приказалъ ученикамъ перевести на греческій языкъ слѣдующее:

„Разсердечнѣйшійся Ксерксъ приказнулъ выпарнуть разсвирѣпленное море цѣпочками“.

„Вывзятый изъ Греціи Аристидъ не огорчалъ себя и помахалъ ногами вонъ изъ города“.

„Римлянинъ“ велѣлъ перевести слѣдующее:

„Юліусъ Цезарь, будучи перешагнутый черезъ Рубиконъ, сказалъ: „Жеребенокъ заброшенъ. Итти по заднему нельзя. Будемъ передить““.

Ученики, хорошо зная греческій языкъ и латынь, оказались полными невѣждами въ языкѣ русскомъ.

Они, къ стыду своему, не знали, что „разсердечнѣйшійся“ — разсердившійся; „выпарнуть“ — выпоротъ; „цѣпочками“ — цѣпями; „вывзятый“ — изгнанный; „жеребенокъ“ — жребій; „передить“ — итти впередъ.

За это самое ученики были „вывзаты“ изъ гимназіи и были вынуждены „помахать ногами“ въ другой городъ, чтобы „быть перешагнутыми“ въ слѣдующій классъ.

Много еще славныхъ и рѣшительныхъ побѣдъ одержали взрослые люди надъ своими вѣковыми малолѣтними врагами въ нынѣшнемъ году.

Военныя дѣйствія еще продолжаются.

Тысячелѣтняя война въ полномъ разгарѣ.

О. Л. Д'Орѣ.

ПОСЛѢ КАНИКУЛЬ.

(Изъ дневника гимназистки).

Съ утра сегодня суета, не чую головы я... Скрипятъ уныло ворота, вѣзжаютъ ломовые...

Шуршатъ колеса, вдавленъ листъ въ натоптанную глину, осенній лучъ, и свѣжъ и чистъ, скользятъ по георгину...

Гардины сняты, настезь дверь, веревки да рогожа...

Увы! Все кончено теперь, а главное — Сережа!

Я въ паркѣ бѣгу послѣдній разъ, встрѣчаемся, жмемъ руки.

— Ахъ, какъ я буду жить безъ васъ, вѣдь я умру отъ скуки...

— Сережа, полно! Вы и я — мы встрѣчныя кометы, и жаромъ чуднаго огня едва-ли вы согрѣты...

— О Нюра, нѣтъ!.. Я васъ люблю всѣмъ пыломъ первой страсти, о разрѣшите мнѣ, молю, надѣяться на счастье... Я перешелъ уже въ шестой, и такъ близка свобода, я буду свѣтлой жить мечтой, а ждать всего три года... Встрѣчаться будемъ на каткѣ.

— Катаетесь?

— Понятно!..

И онъ приникъ къ моей рукѣ... и стыдно... и пріятно...

Ему я ленту отдала, а онъ вручилъ стихи мнѣ — какой прекрасной я была въ его горячемъ гимнѣ...

Я не могла сдержать слезы и побѣжала къ дачѣ.

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

.....

Валентинъ Горянскій.

МАЛЬЧИКЪ СО СПОСОБНОСТЯМИ.

Учитель (читаетъ): ... И сказалъ тогда Иванъ Кольцо Іоанну Грозному: „позволь, государь, мнѣ отвѣтъ держать“ ...

Ученикъ: — А интересно — во что они играли? Въ макао или баккара?

ВѢЧНЫЙ УЧЕНИКЪ.

(Эскизъ для классной картины).

Рис. А. Яковлева.

Дѣтство свое этотъ гадкій мальчикъ провелъ на гимназической скамьѣ и въ карцерѣ.

Но такъ какъ этотъ гадкій мальчикъ не учился, то юность пришлось ему провести на бульварныхъ скамьяхъ и въ участкѣ.

А такъ какъ онъ не хотѣлъ честно жить, то ему пришлось подъ конецъ своей жизни сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ и окончить свою жизнь въ тюрьмѣ.

Учитесь же, дѣтки, и не обвиняйте насъ, что мы часто дѣлаемъ ученическую скамью малопріятной... Это мы дѣлаемъ, любя васъ, — чтобы у васъ не было желанія, подобно этому гадкому мальчику, всю жизнь провести на скамьѣ.

РОДИТЕЛЬСКАЯ СТРАДА.

— За Андрея въ университетъ заплачено, за Ваничку и Коленьку заплачено въ гимназію, за Олечку — въ консерваторію, за репетитора — Нинѣ, и, все-таки, Зося и Вася безъ учебниковъ сидятъ... И почему, спрашивается? Все изъ-за цензуры: она не позволяетъ намъ фиговые листы продать!

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Бердянскій театръ „Модернъ“ знаетъ, гдѣ раки зимуютъ. Онъ выпустилъ громадную афишу, въ которой сообщаетъ о картинѣ:

1-й разъ на экранъ — наша знаменитая русская артистка красавица М-мъ Труханова, сестра извѣстнаго іеромонаха Иллѳодора (въ мѣрѣ Трухановъ).

Оба могутъ сказать:

И Наташа Труханова:

— Ну, и родственничка навязали!

И Иллѳодоръ:

— Ну, и родственницу Богъ послалъ.

Бердянскій театръ „Модернъ“ можетъ пойти и дальше въ своихъ генеалогическихъ открытіяхъ:

„Въ скоромъ времени у насъ будетъ идти пьеса „Жертва заклѣтья“. Всѣ актеры будутъ играть въ гриммѣ (родственникъ извѣстнаго профессора Гримма).

* * *

Телеграмма, напечатанная въ „Сумскомъ Вѣстникѣ“:

Римъ. 4. 9. Въ Варсеналѣ (?) Спеціи начались подготовительныя работы по закладкѣ перваго сверхдредноута „Кронбергъ“. Греческій король отбылъ въ Англію (...?)

Такъ потрясло бѣднаго короля извѣстіе, что „Сумской Вѣстникъ“ превратилъ арсеналъ въ городъ!

И долго думалъ „Сумской Вѣстникъ“.

— Какія спеціи требуются для постройки дредноута...?

* * *

Въ журналѣ „Весь Мѣръ“ къ замѣткѣ „Какъ канарейки спасаютъ жизнь рудокопамъ“ помѣщена иллюстрація, на которой изображенъ человекъ, кормящій... верблюда.

Старый способъ изготовленія слона изъ мухи журналъ замѣнилъ болѣе новымъ: онъ дѣлаетъ изъ канарейки верблюда.

Въ томъ же журналѣ „Весь Мѣръ“ редакторъ его г-жа Аничкова печатаетъ стихотвореніе, въ которомъ говоритъ, что въ объятіяхъ любимаго человека она способна забыть „весь мѣръ“.

Такое небрежное отношеніе къ журналу „Весь Мѣръ“ со стороны редактора — можетъ принести журналу непоправимый вредъ.

* * *

Фраза изъ № 33 „Живого Слова“ (разсказъ „Гниль“).

... „Положивъ одну руку на животъ, а другую поставивъ на нее (?), она льново тянула изъ блюдечка“.

Впрочемъ, разсказъ такъ и называется:

— „Гниль“.

ЕВГЕНІЮ ТИМОФѢВУ.

Тебя, Евгений Тимофѣевъ,

Я не забуду никогда.

Ты былъ одинъ изъ тѣхъ злодѣевъ,

Которымъ туги повода

Смиренномудрыхъ педагоговъ,

И изгнанъ былъ изъ ихъ чертоговъ

Ты волей сумрачной судьбы,

Занѣ вставалъ ты на дыбы.

Ты былъ типичнымъ гимназистомъ,

Курилъ и пилъ изъ озорства,

И класса своего глава,

На „бенефисахъ“ былъ солистомъ.

Ты учредилъ у насъ кружокъ

И лигу русской средней школы,

Твой нравъ партійный и тяжелый

Былъ непреклоненъ и жестокъ.

Бѣлоподкладочниковъ тонныхъ

Ты презиралъ и обличалъ,

Но отъ любви къ Софи Крученыхъ

Ты безнадежно увядалъ.

Ты, правда, говорилъ ей много

О томъ, что бракъ законный — чушь,

Что нѣту рая, нѣту Бога,

И нѣтъ сродства безсмертныхъ душъ,

Что люди сродны обезьянѣ,

Что плоть одна царитъ во всемъ,

Но у тебя всегда въ карманѣ,

Былъ медальонъ съ ея цвѣткомъ.

Ты изгнанъ былъ, но, славъ экстерномъ,

Въ студенты вышелъ, какъ и я,

Но обрели различнымъ сквернамъ

Насъ дни и ночи бытія.

Я сталъ поэтомъ, ты эсэромъ,

И черезъ мѣсяць съ небольшимъ,

Ты былъ уже въ халатѣ сѣромъ,

И такъ и не разстался съ нимъ

Въ Нерчинскѣ или въ Акатуѣ.

Прости мнѣ, молодой старикъ,

Что я стихомъ тревожу всеу,

Твой образъ, русской ученикъ.

Потемкинъ.

ЖИЗНЬ БѢДНАГО СТУДЕНТА.

Да будетъ, благословенна столица! Въ ней
всетаки все достижимо для человѣка, не имѣю-
щаго ничего...

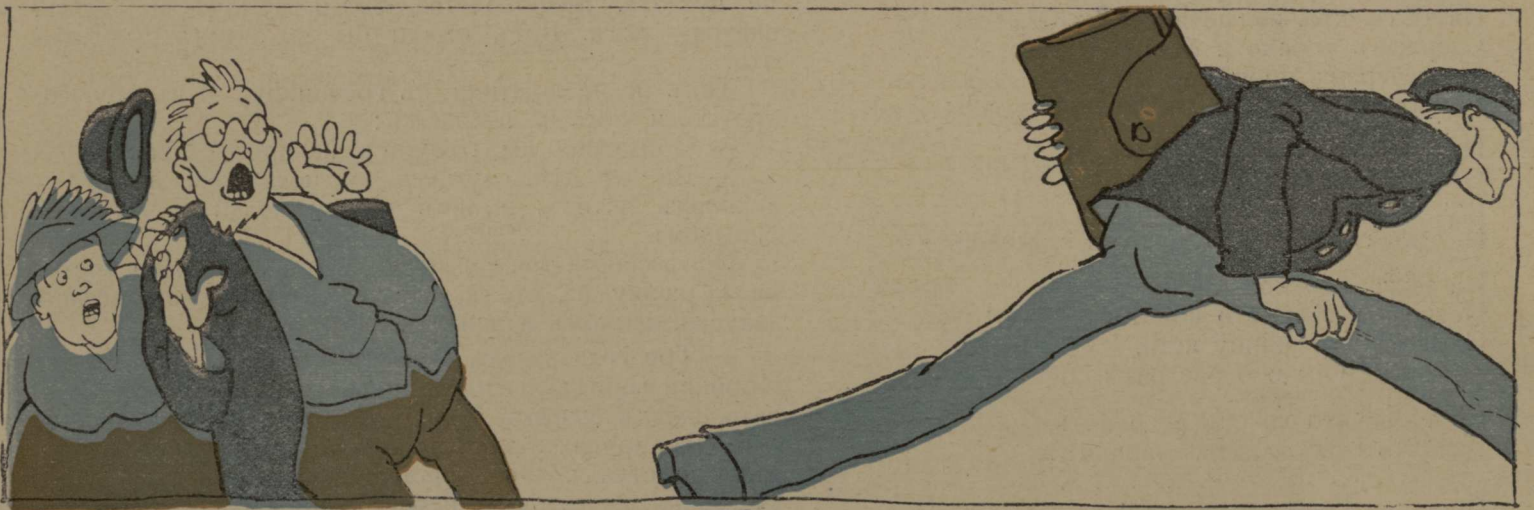
Рис. А. Юнгера.

Онъ можетъ читать, штудировать, изучать русскую
и иностранную литературу...

Онъ — объѣдаетъ...

Онъ — дѣлаетъ послѣобѣденный моционъ...

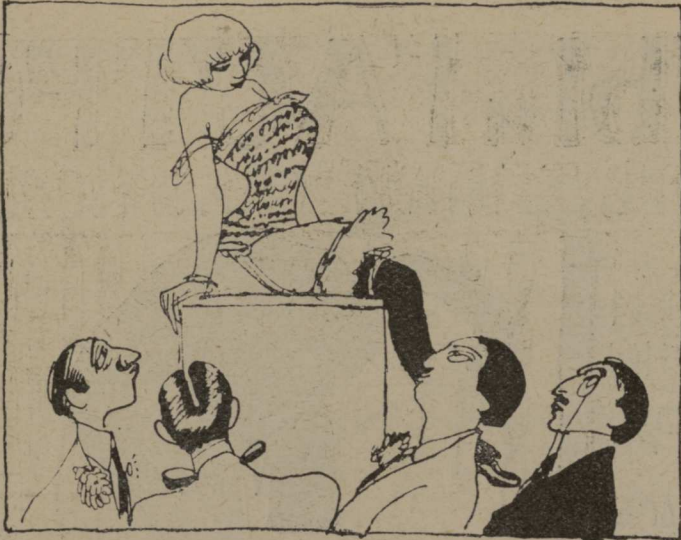

И, въ концѣ-концовъ, попадаетъ даже въ театръ.
Правда, въ анатомическій, — но за то тамъ онъ — центръ общаго вниманія..

Рис. В. Лебедева.

ОРДИНАРНЫЙ ПРОФЕССОРЪ

(разсказъ будущаго).

Чтобы заставить французскаго академиста читать лекціи, достаточно ихъ наклеить на корсетъ хорошенькой женщины.

МОЛИТВА.

Господь, любовь свою пролей
На тѣхъ, кто съ августа до марта
Живетъ на тридцать пять рублей,
А любитъ астры и Моцарта.

На тѣхъ, кто жизни не видалъ,
А такъ, въ нее пролѣзши бокомъ,
Тоскливо ходитъ, худъ и вѣль,
Въ калошахъ рваныхъ по уркамъ.

На тѣхъ, кто, волчій аппетитъ
Сдержавъ упрямо и безстрастно,
По вечерамъ порой торчитъ,
Грустя, подъ окнами колбасной.

На тѣхъ, кто можетъ забывать
О безысходности суровой,
Кто можетъ радостно мечтать
И идъ гнилымъ биткомъ въ столовой.

На тѣхъ, кто можетъ, какъ дитя,
Погрезить вслухъ о новомъ платьѣ,
И, кто на трешницу кутя,
Твердитъ уныло о растратѣ.

На тѣхъ, кто хочетъ отдохнуть,
Увидѣть счастье, какъ зарницу...

Простри, Господь, свою десницу...
Пошли, Господь, имъ что-нибудь...

Арк. Буховъ.

Для нѣмецкихъ — вмѣсто кафедры поставить пивную бочку, и за удачные отвѣты награждать бурша кружкой пива.

Въ скромномъ ресторанчикѣ „Палермо“ сидѣли за столикомъ ординарный профессоръ Щербаковъ и актеръ Вральскій. Пили водку, пиво, закусывали, курили, бесѣдовали. Я кое-что подслушалъ изъ ихъ оживленнаго разговора.

— Тебѣ хорошо, — сказалъ ординарный профессоръ актеру, — твоя профессія, такъ сказать, осѣдлая. Ты вотъ служишь восьмой сезонъ въ театрѣ Недоброва и навѣрно еще двадцать сезонныхъ прослужишь. У тебя обеспеченное положеніе, квартира. Ты воспитываешь дѣтей. Ты, такъ сказать, корни пустилъ на мѣстѣ. А наша профессорская жизнь какая? Каждую недѣлю министерство переводитъ, гоняетъ изъ одного города въ другой... Сплошное скитаніе. Живешь въ мебелированныхъ ресторанахъ, объѣдаешь въ ресторанахъ. Дѣти дичають, перетаскиваемыя съ мѣста на мѣсто. Приѣдешь въ какой-нибудь городъ, — ну какъ тутъ обзавестись квартирой, когда не знаешь, будешь ты тутъ служить слѣдующій сезонъ или гдѣ-нибудь за тридевять земель. Такъ и торчишь въ скверной гостиницѣ, въ вонючемъ номерѣ, съ женою и дѣтьми. Ты приѣдешь въ городъ — тебя пустятъ въ любую гостиницу, потому ты актеръ, человекъ солидный, а не перекасти-поле какой-нибудь, вродѣ ординарнаго профессора. А нашего брата, профессора, очень неохотно пускаютъ. Въ прошломъ году приѣзжаю я въ Саратовъ. Ну, натурально, въ гостиницу. Показали номеръ, честь честью, а потомъ спрашиваютъ:

— А вы кто будете?

— Ординарный профессоръ по кафедрѣ государственнаго права Аркадій Христофоровичъ Щербаковъ.

— Извините, не можемъ номеръ сдать.

— Да почему? Я заплачу;

— Извините, нашъ хозяинъ велѣлъ профессорамъ не пускать. Безпокойства много. Нынче вы здѣсь, завтра — тамъ. Вотъ ежели бы вы актеръ были или что.

Такъ и не пустили въ гостиницу. Я въ другую, третью, и тамъ не пускаютъ:

— Обожглись мы, говорятъ, на профессорахъ.

— Да ты гдѣ служилъ въ послѣднее время? — спросилъ актеръ, выпивъ рюмку водки и закусивъ балькомъ.

Профессоръ тоже выпилъ рюмку, ухарски поставилъ рюмку на столъ, прищелкнулъ, вмѣсто всякой закуски, языкомъ и началъ:

— Три года назадъ служилъ я сезонъ въ Одессѣ. Хорошій городъ, очень хорошій городъ, и, могу сказать, имѣлъ успѣхъ солидный. Сборы дѣлалъ отличные. Въ другихъ аудиторіяхъ пусто, а у меня приставные стулья. Очень популярень былъ въ городѣ. Ну, кончился сезонъ — перевели въ Томскъ. Ъду это я въ Томскъ, на станціи „Пѣтушки“ выхожу въ буфетъ закусить, — вижу, идетъ Геннадій Демьянычъ Несчастливцевъ, ординарный профессоръ по кафедрѣ церковнаго права. Ну, узнали мы, конечно, другъ друга. Вмѣстѣ, вѣдь, въ Москвѣ служили. Облобызались.

— Геннадій Демьянычъ, — говорю, — откуда куда?

— Изъ Томска въ Одессу, — говоритъ. — А ты откуда куда, Аркаша?

— А я изъ Одессы въ Томскъ.

Поговорить только толкомъ не удалось: ему третій звонокъ пробилъ.

Актеръ отпилъ пива, солидно вытеръ усы и сказалъ:

— А какъ твоя жена поживаетъ?

Профессоръ залпомъ выпилъ бокаль пива, втянулъ внутрь себя пѣну съ бритыхъ губъ и возразилъ:

— Которая? Ты, другъ, никогда не спрашивай у ординарныхъ профессоровъ, „какъ поживаетъ ваша жена“. Нарвешься. Это у васъ, у актеровъ, бракъ такъ бракъ. А у насъ, у профессорамъ, сезонные больше браки. Ты вотъ спрашиваешь, какъ поживаетъ моя жена, а я не помню, съ которой ты былъ знакомъ: съ Марьей Викторовной или съ Клеопатрой Григорьевной? А, можетъ быть и съ Матильдой Петровной.

— Да помнится мнѣ, — сказалъ актеръ, звали ее Евдокія Григорьевна. Черненькая такая.

— Ахъ, Дуня! — воскликнулъ ординарный профессоръ. — Съ ней я жилъ — когда въ Одессѣ служилъ, въ антрепризѣ Толмачева. Она теперь съ приватъ-доцентомъ однимъ путается. Возитъ онъ ее изъ Варшавы въ Петербургъ да изъ Петербурга въ Кіевъ. А я, братъ, сейчасъ и вовсе не женатъ. Такъ перебиваюсь.

Профессоръ и актеръ допили водку, доѣли закуску, расплатились и вышли. Я видѣлъ, какъ швейцаръ подалъ въ вестибюль актеру солидное черное пальто и котелокъ, а профессору — чудовищную мягкую шляпу съ кожанымъ ремешкомъ и пестрый какой-то, въ широкую клѣтку, балахонъ.

— Что это у тебя? — спросилъ актеръ, указывая на узелокъ, который очутился въ рукахъ у ординарнаго профессора.

— Да такъ, библиотечка... лекціи...

— Стяжалъ?

— Стяжалъ и за грѣхъ не считаю...

Влад. Азовъ.

ЧУДО.

(Случай въ Двинскѣ).

Сѣденькій Владыка обвелъ добрымъ смѣющимся взглядомъ сотню русыхъ и бѣлокурыхъ дѣвическихъ головъ и обратился къ сладко стывшей въ его лучахъ, начальницѣ:

— Всѣ? Всѣ дѣвицы или еще есть?

— Всѣ, Ваше Преосвященство! — замирая въ свѣтломъ порывѣ, воскликнула начальница. — Всѣ до единой!

— Похвально, очень похвально. Значитъ — всѣ въ классѣ? — пошутилъ Владыка.

Дѣвочки свѣтло улынулись, начальница пустила къ небу струйку радостнаго и тихаго, какъ фиміамъ, смѣха.

— Всѣ въ сборѣ, Ваше Преосвященство, за исключеніемъ...

Она спохватилась.

Владыка зорко посмотрѣлъ ей въ глаза.

— За исключеніемъ кого? Больныхъ?

Начальница потупилась.

— Хуже, Ваше Преосвященство, много хуже... Заболѣть всякій можетъ...

— Дурныхъ въ поведеніи, что-ли?

Съ трудомъ шевеля губами, начальница выговорила:

— Еще хуже... Поведеніе можно исправить.

— Что-то я, васъ, матушка, не понимаю, — съ неудовольствіемъ проговорилъ Владыка. — Кто же онѣ, наконецъ, такія — не звѣри же, Господи помилуй.

Начальница хрустнула пальцами, до боли прикусила губу и, сразу рѣшившись, сказала:

— Онѣ, Ваше Преосвященство, изъ очень дурныхъ фамилій, изъ преступныхъ фамилій. Ихъ родственники... ихъ родственники — позвольте мнѣ ихъ не называть — распяли Иисуса Христа!

Глубоко вздохнувъ, словно избавившись отъ великой тяжести, она ясно взглянула въ лицо Владыкѣ; но, обезпокоенная его молчаніемъ, снова стиснула руки.

— Ваше Преосвященство... можетъ быть, мнѣ слѣдовало объ этомъ не говорить — скрыть эту язву? Но вы спросили... я не посмѣла, я только немного прикрыла ее, чтобы взоръ Вашего Преосвященства...

— Что — взоръ моего Преосвященства? — пристально разсматривая ее, спросилъ Владыка.

— Не осквернился, — прошептала начальница. — Ихъ родственники распяли Христа, вамъ должно быть мучительно, Ваше Преосвященство... воспоминаніе о прошломъ.

— Ревнивы, вы, матушка, очень ревнивы, — странно усмѣхаясь, проговорилъ Владыка.

— Отъ вашего зора ничто не укроется, Ваше Преосвященство, — покраснѣвъ, пролепетала начальница.

— Куда же вы, однако, дѣли этихъ дѣвочекъ?

— Тѣхъ, чьи родств...

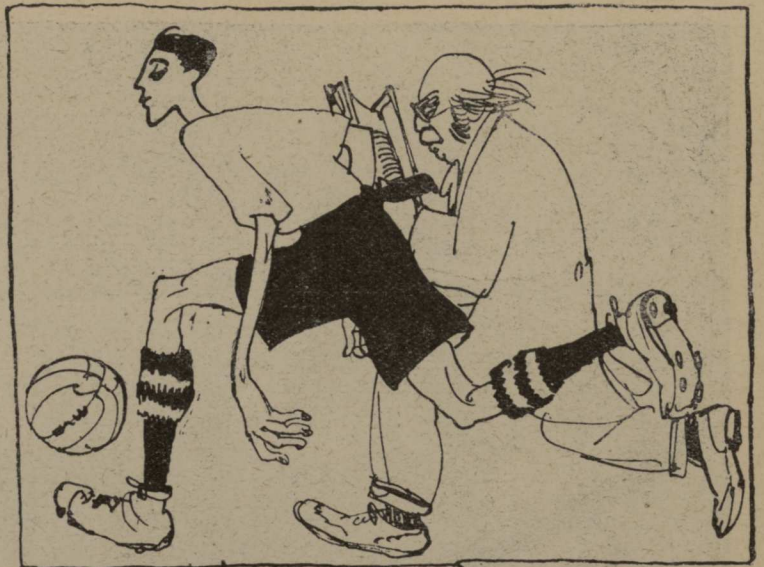
— Да, да.

Начальница посмотрѣла на Владыку и съ легкимъ восклицаніемъ ужаса, изумленія и преклоненія подалась впередъ.

— Ваше Преосвященство... вы... сами... хотите!?

— Самъ.

Женщина замерла на мигъ въ созерцаніи этого вдохновеннаго мужества пастыря, душа котораго не знала земнаго страха.

Англичанину профессоръ долженъ читать лекціи во время игры въ футъ-болъ.

— Ваше Преосвященство... такой рискъ. Ихъ можно видѣть черезъ стекло, въ седьмомъ классѣ. У нихъ — кормъ...

— Проведите меня въ седьмой классъ, — рѣзко, ни къ кому не обращаясь, приказалъ Владыка.

Двое учителей бросились къ нему на помощь.

— Святой... Святой... — въ полузабытій произнесла начальница и, протянувъ руки, какъ слѣпая, пошла за нимъ.

Крабъ.

ВЪ ВАРШАВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

(Фактъ).

На экзаменѣ профессоръ анатоміи спрашиваетъ студента:

— Гдѣ помѣщается сердце?

Студентъ: — Въ грудной клѣткѣ.

Проф.: — Нѣтъ!

Студ.: — На діафрагмѣ.

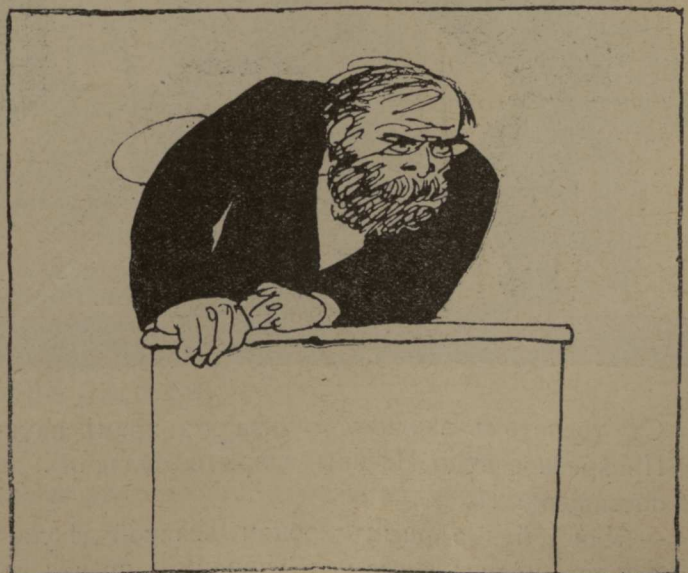
Проф.: — Нѣтъ!

Студ.: — Другого отвѣта не знаю.

Проф.: — Сердце помѣщается въ сердечной сумкѣ.

Студ. (нервно): — Позвольте, г. профессоръ, если меня спросятъ, гдѣ вы, г. профессоръ, находитесь теперь, — то какъ, по вашему, я долженъ отвѣтить: „въ своемъ кабинетѣ“ или — „въ своихъ штанахъ“?..

Сообщ. Микаэла.

Для русскихъ... да что же для русскихъ?? Гм... но разъ министерство не можетъ ничего выдумать, то гдѣ же ужъ намъ выдумать! Яйца курицу не учать.

Съ трепетомъ входитъ юноша въ храмъ науки. Прекрасное лицо Истины закрыто облакомъ для не посвященныхъ.

— Учись, будь вѣрнымъ жрецомъ великой „Науки“, и придетъ время, когда ты узришь ея прекрасное лицо! — говорятъ ему.

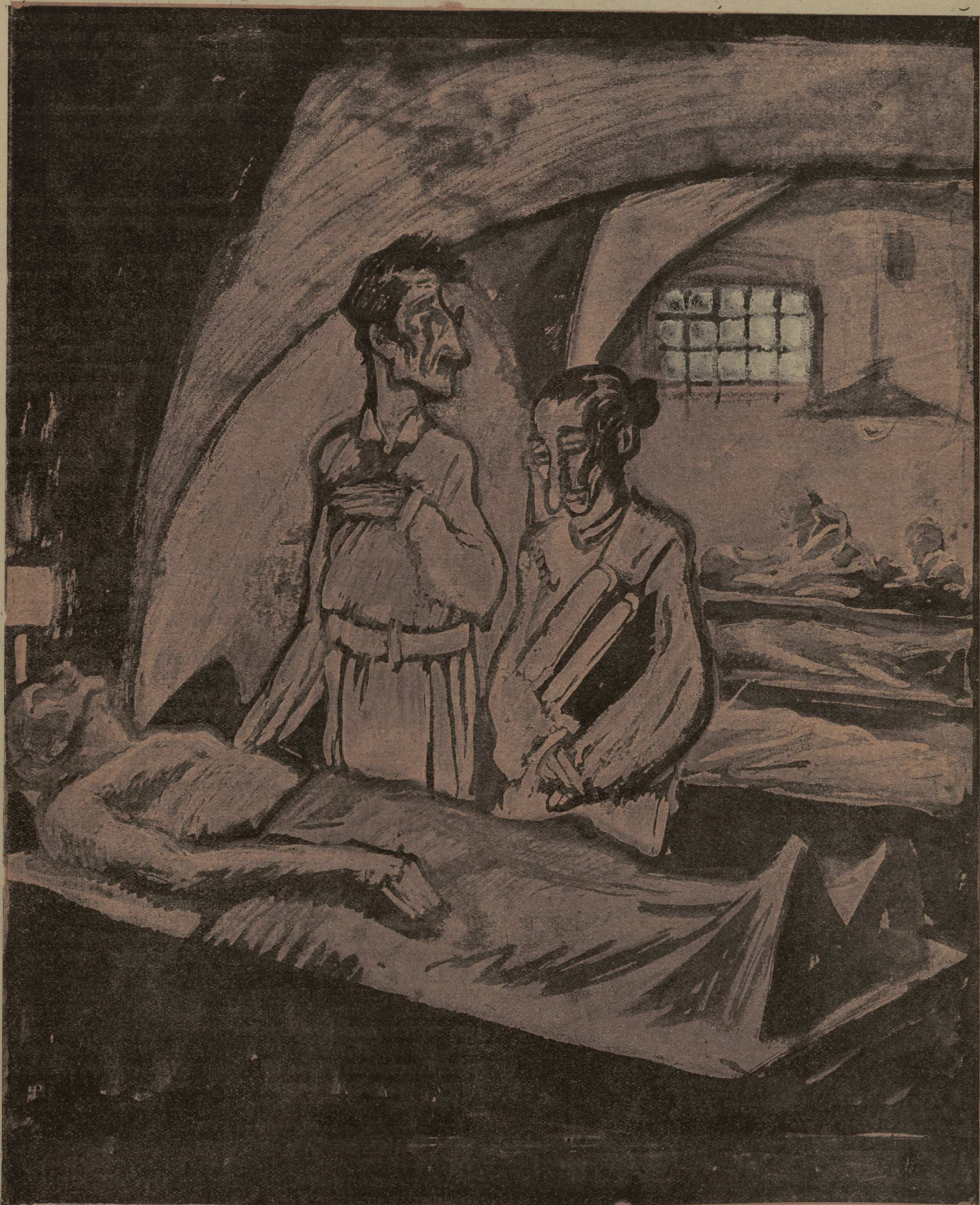
Проходятъ годы служенія наукъ. Вотъ скоро Истина откроетъ свой ликъ ученику. Туманъ разсѣивается... и онъ видитъ удобно усѣвагося наверху „нѣкоего въ мундирѣ“, который говоритъ:

— Ну-съ... Выкуримъ-ка еще сигарку.

И снова для непосвященныхъ окутывается лицо Истины облакомъ...

Рис. Н. Д.

УРОДЛИВОЕ РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ДАРОВЪ.

Въ анатомическомъ театрѣ.

— Вотъ иронія судьбы! Утромъ у насъ подъ руками сколько угодно мяса, а къ обѣду — ни куска!..

Рис. Ре-Ми.

ДОЖДАЛСЯ.

Послѣ экзамена.

— Теперь я врачъ, имѣющій право прописывать рецепты и, поэтому, я первымъ долгомъ прописалъ самому себѣ внутреннее!

ЭКЗАМЕНАЦОННАЯ ЗАДАЧА.

Разсказъ Аркадія Аверченко.

Когда учитель громко продиктовалъ задачу и всѣ записали ее, и Семень Панталыкинъ тоже записалъ ее, и учитель, вынувъ часы, заявилъ, что даетъ на рѣшеніе задачи двадцать минутъ — Семень Панталыкинъ провелъ испещренной чернильными пятнами ладонью по круглой головкѣ и сказалъ самъ себѣ:

— Если я не рѣшу эту задачу — я погибъ!..

У фантазера и мечтателя Семена Панталыкина была манера — преувеличивать всѣ событія, всѣ жи-

зненные явленія и, вообще, смотрѣть на вещи чрезвычайно мрачно.

Встрѣчалъ-ли онъ мальчика больше себя ростомъ, мизантропическаго суроваго мальчика обычнаго типа, который, выдвинувъ впередъ плечо и правую ногу и оглядѣвшись — нѣтъ ли кого поблизости, — ехидно спрашивалъ: „Ты чего задаешься, говядина несчастная?“ — Семень Панталыкинъ блѣднѣлъ и, видя уже своими духовными очами призракъ витающей надъ нимъ смерти, тихо шепталъ:

— Я погибъ!

Вызывалъ-ли его къ доскѣ учитель, опрокидывалъ ли онъ дома на чистую скатерть стаканъ съ чаемъ — онъ всегда говорилъ самъ себѣ эту похоронную фразу:

— Я погибъ.

Вся гибель кончалась парой затрепанных въ первомъ случаѣ, двойкой — во второмъ и высылкой изъ-за чайнаго стола — въ третьемъ.

Но такъ внушительно, такъ мрачно звучала эта похоронная фраза: „Я погибъ“, — что Семень Панталыкинъ всюду совалъ ее.

Фраза, впрочемъ была украдена изъ какого-то романа Майнъ-Рида, гдѣ герои, влѣзши на дерево по случаю наводненія и ожидая нападенія индѣйцевъ — съ одной стороны, и острыхъ когтей притаившагося въ листьѣ дерева ягуара съ другой — всѣ въ одинъ голосъ рѣшили:

— Мы погибли.

Для болѣе точной характеристики ихъ положенія необходимо указать, что въ водѣ около дерева плавали кайманы, а одна сторона дерева дымилась, будучи подожженной молніей.

* * *

Приблизительно въ такомъ же положеніи чувствовалъ себя Панталыкинъ Семень, когда ему не только подсунули чрезвычайно трудную задачу, но еще дали на рѣшеніе ея всего-на-всего двадцать минутъ.

Задача была слѣдующая:

„Два крестьянина вышли одновременно изъ пункта А въ пунктъ Б, причемъ одинъ изъ нихъ дѣлалъ въ часъ четыре версты, а другой пять. Спрашивается, на сколько одинъ крестьянинъ придетъ раньше другого въ пунктъ Б, если второй вышелъ позже перваго на четверть часа, а отъ пункта А до пункта Б такое же разстояніе въ верстахъ, — сколько получится, если два виноторговца продали третьему такое количество бочекъ вина, которое дало первому прибыли 120 рублей, второму восемьдесятъ, а всего бочка вина приноситъ прибыли 40 рублей“.

Прочтя эту задачу, Панталыкинъ Семень сказалъ самъ себѣ:

— Такую задачу въ двадцать минутъ? Я погибъ!

Потерявъ минуты три на очинку карандаша и на наиболѣе точный перегибъ листа линеваго бумажки, на которой онъ собирался развернуть свои математическія способности, — Панталыкинъ Семень сдѣлалъ надъ собой усиліе и погрузился въ обдумываніе задачи.

Бѣдный Панталыкинъ Семень! Ему дали отвлеченную математическую задачу въ то время, какъ онъ самъ, цѣликомъ, весь, съ головой и ногами, жилъ только въ конкретныхъ образахъ, не постигая своимъ майнъ-ридовскимъ умомъ ничего абстрактнаго.

Первымъ долгомъ ему пришла въ голову мысль:

— Что это за крестьяне такіе: „первый“ и „второй“? Эта сухая номенклатура ничего не говоритъ ни его уму, ни его сердцу. Неужели, нельзя было назвать крестьянъ простыми человѣческими именами. Конечно, Иваномъ или Василиемъ ихъ можно и не называть (инстинктивно онъ чувствовалъ прозаичность, будничность этихъ именъ), но почему бы ихъ не окрестить — одного Вильямомъ, другого Рудольфомъ.

И сразу же, какъ только Панталыкинъ перекрестилъ „перваго“ и „второго“ въ Рудольфа и Вильяма — оба сдѣлались ему понятными и близкими. Онъ уже видѣлъ умственнымъ взоромъ бѣлую полосу отъ шляпы, выдѣляющуюся на лбу Вильяма, который загорѣлъ отъ жгучихъ лучей солнца... А Рудольфъ представлялся ему широкоплечимъ мужественнымъ человѣкомъ, одѣтымъ въ синіе парусиновые штаны и кожаную куртку изъ мѣха рѣчного бобра.

И вотъ — шагаютъ они оба, одинъ на четверть часа впереди другого...

Панталыкину пришел на ум такой вопрос:

— Знакомы ли они друг с другом, эти два мужественных пѣшехода? Вѣроятно, знакомы, если попали въ одну и ту же задачу... Но если знакомы — почему они не сговорились идти вмѣстѣ? Вмѣстѣ, конечно, веселѣе, а что одинъ дѣлаетъ въ часъ на версту больше другого, то это вздоръ — болѣе быстрый могъ бы деликатно понемногу сдерживать свои широкие шаги, а медлительный могъ бы и прибавить немного шагу. Кромѣ того, и безопаснѣе вдвоемъ идти — разбойники-ли нападутъ или дикій звѣрь...

Возникъ еще одинъ интересный вопросъ:

— Были у нихъ ружья или нѣтъ?

Пускаясь въ дорогу, лучше всего захватить ружья, которыя даже въ пунктѣ Б могли бы пригодиться, въ случаѣ нападенія городскихъ бандитовъ — отрепья глухихъ кварталовъ.

Впрочемъ, можетъ быть, пунктъ Б — маленькій городокъ, гдѣ нѣтъ бандитовъ...

Вотъ опять тоже — написали: пунктъ А, пунктъ Б... Что это за названія? Панталыкинъ Семень никакъ не можетъ представить себѣ городовъ или селъ, въ которыхъ живутъ, борются и страдаютъ люди — подъ сухими бездушными литерами. Почему не назвать одинъ городъ Санта-Фе, а другой — Мельбурномъ?

И едва только пунктъ А. получилъ названіе Санта-Фе, а пунктъ Б. былъ преобразованъ въ столицу Австраліи — какъ оба города сдѣлались понятными и ясными... Улицы сразу застроились домами причудливой экзотической архитектуры, изъ трубъ пошелъ дымъ, по тротуарамъ задвигались люди, а по мостовымъ забѣгали лошади, неся на своихъ спинахъ всадниковъ — дикихъ, прѣбывавшихъ въ городѣ за боевыми припасами, вакуро и испанцевъ, владѣльцевъ далекихъ гаціендъ...

Вотъ въ какой городъ стремились оба пѣшехода — Рудольфъ и Вильямъ...

Очень жаль, что въ задачѣ не упомянута цѣль ихъ путешествія? Что случилось такое, что заставило ихъ бросить свои дома и спѣшить сломя голову въ этотъ страшный, наполненный пьяницами, карточными игроками и убійцами, Санта-Фе?

И еще — интересный вопросъ: почему Рудольфъ и Вильямъ не воспользовались лошадами, а пошли пѣшкомъ? Хотѣли ли они идти по слѣдамъ, оставленнымъ кавалькадой гверильясовъ, или просто прошлой ночью у ихъ лошадей таинственнымъ незнакомцемъ были перерѣзаны поджилки, дабы они не могли его преслѣдовать, — его, знавшаго тайну бриллиантовъ Краснаго Носорога!..

Все это очень странно... То, что Рудольфъ вышелъ на четверть часа позже Вильяма, доказываетъ, что этотъ честный скваттеръ не особенно довѣрялъ Вильяму и въ данномъ случаѣ рѣшилъ просто прослѣдить этого сорви-голову, къ которому вотъ уже три дня подъярьдъ пробирается ночью на взмыленной лошади креоль въ плащѣ.

... Подперевъ рученькой, измазанной въ мѣлу и чернилахъ, свою буйную, мечтательную, отуманенную образами, голову — сидитъ Панталыкинъ Семень.

И постепенно вся задача, весь ея тайный смыслъ вырисовывается въ его мозгу:

* * *

Задача:

... „Солнце еще не успѣло позолотить верхушекъ тамариндовыхъ деревьевъ, еще яркія тропическія птицы дремали въ своихъ гнѣздахъ, еще черные лебеди не выплывали изъ зарослей австраійской кувшинки и желтоцвѣта, — когда Вильямъ Блокеръ, головорѣзъ, наводившій панику на все побережье Сампсонъ-Крика, крадучись шелъ по еле замѣтной лѣсной тропинкѣ... Дѣлалъ онъ только четыре версты въ часъ — болѣе быстрой ходьбѣ мѣшала больная нога, подстрѣленная вчера его таинственнымъ недругомъ, спрятавшимся за стволомъ широколиственной магноліи.

— Каррамбо! — бормоталъ Вильямъ. — Если бы у стараго Билля была сейчасъ его лошаденка... Но... пусть меня разорветъ, если я не найду негодая, подрѣзавшаго ей поджилки. Не пройдетъ и трехъ лунъ!

А сзади него въ это время крался, припадая къ землѣ, скваттеръ Рудольфъ Каутерсъ, и его мужественныя брови мрачно хмурились, когда онъ разсматривалъ, припавъ къ землѣ, слѣдъ сапога Вильяма, отчетливо

отпечатанный на влажной травѣ австраійскаго лѣса.

— Я бы могъ дѣлать и пять верстъ въ часъ (кстати, почему не „миль“ или „ярдовъ“?), — шепталъ скваттеръ, — но я хочу выслѣдить эту старую лисицу...

А Блокеръ уже услышалъ сзади себя шорохъ и, прыгнувъ за дерево, оказавшееся эйкалиптомъ, притаился...

Увидѣвъ ползшаго по травѣ Рудольфа, онъ приложился и выстрѣлилъ.

И, схватившись рукой за грудь, перевернулся честный скваттеръ.

— Хо-хо! — захохоталъ Вильямъ. — Мѣткій выстрѣлъ. День не промалъ даромъ, и старый Билль доволенъ собой.

— Ну, двадцать минутъ прошло, — раздался, какъ громъ въ ясный погожий день, голосъ учителя ариѳметики. — Ну что, всѣ рѣшили? Ну, ты, Панталыкинъ Семень, покажи: какой изъ крестьянъ первый пришелъ пунктъ въ Б.

И чуть не сказалъ бѣдный Панталыкинъ, что, конечно, въ Санта-Фе первымъ пришелъ негодай Блокеръ, потому что скваттеръ Каутерсъ лежитъ съ прострѣленной грудью и предсмертной мукой на лицѣ, лежитъ, одинокій въ пустынь, въ тѣни ядовитаго австраійскаго „змѣйнаго дерева“!..

Но ничего этого не сказалъ онъ. Прохрипѣлъ только: „не рѣшилъ... не успѣлъ...“

И тутъ же увидѣлъ, какъ жирная двойка ехидной гадюкой зазмѣлилась въ журнальной клѣточкѣ противъ его фамиліи.

— Я погибъ, — прошепталъ Панталыкинъ Семень. — На второй годъ остаюсь въ классѣ. Отецъ выдеретъ, ружья не получу, „Вокругъ Свѣта“ мама не выпшетъ...

И представилось Панталыкину, что сидитъ онъ на развилинѣ „змѣйнаго дерева“... Внизу бушуетъ разлившаяся послѣ дождя вода, въ водѣ щелкаютъ зубами кайманы, а въ густой листвѣ прячется ягуаръ, который скоро прыгнетъ на него, потому что огонь, охватившій дерево, уже подбирается къ разъяренному звѣрю...

— Я погибъ!

Аркадій Аверченко.

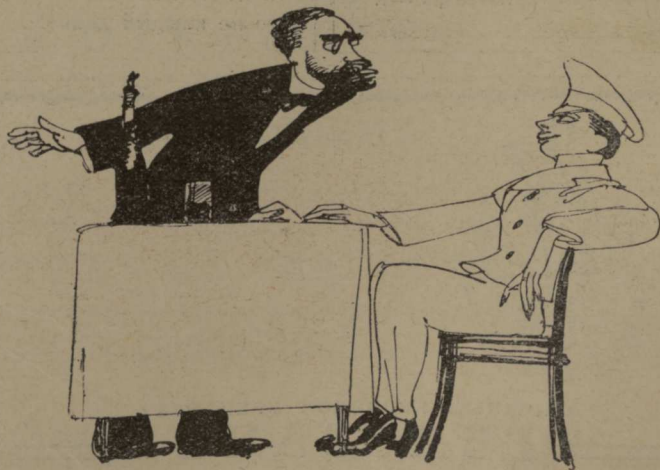
ПЕРЕВОДНОЕ.

— Скажите, пожалуйста, Гриммъ — русскій профессоръ?
— А что?
— Да я думалъ, что нѣмецъ. Его все время переводятъ.

— Наши лучшіе профессора все переводятся и переводятся изъ города въ городъ...
— Да... Скоро, вѣроятно, совсѣмъ переведутся.

Волкъ.

Рис. В. Лебедева.

НЕУЯЗВИМЫЙ АКАДЕМИСТЪ.

— Знаете ли вы, что я могу сейчасъ оскорбить честь вашего мундира?!

— Пассюште, милый, это вамъ не удастся! Въ крайнемъ случаѣ, вы оскорбите честь ломбардной квитанціи, подъ которую мой мундиръ заложенъ.

Рис. Ре-Ми.

Почтовый ящик
„НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петербургъ.

Москвичу Н. — Москвичъ думаетъ, что нежеслѣдующее, написанное имъ, очень хорошо: — „Она расширила свои близорукіе сѣрые глаза“...

Не съ помощью-ли крючка для застегиванія ботинокъ?

Все это, господа читатели, не смѣшно, а очень печально.

Въ простр. — Зигзагу. — Разказъ вашъ прочли съ чувствомъ глубокаго изумленія.

Не проходили ли вы въ моментъ обдумыванія сюжета по луку, на которомъ играли въ футболъ? А то, эти футболисты совершенно ни съ чѣмъ не считаются. Запустить мячемъ въ голову прохожему, а мы отдувайся; корзинка-то у насъ не такъ ужъ велика.

Б. Провинція.

Одесса. — Н. Н. Т. — „Сообщите, г. редакторъ, пойдетъ ли къ вамъ мой разказъ?“

Не идетъ ко мнѣ. Чужихъ, очевидно, боятся. Могилевъ. — Зубодеру. Я сказалъ сестрѣ: Пока Я станцую отъ радости трепака.

Нельзя одной и той же ногой и колѣнце трепака выдѣлывать и стихи писать.

Дебальцево. — Татьянѣ К-ной. — „... Съ угрожающимъ видомъ, стуча подковами, на нихъ двигалась корова“.

Разказъ не подошелъ. Вообще не женское это дѣло — коровъ подковывать.

Ave.

ПО КЛАССУ БАРАБАНА...

Глазуновъ. — Приходится сознаться, что самый излюбленный въ консерваторіи классъ — это классъ моей барабанной перепонки.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во Н. Сатириконъ.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели?
за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ?ВЪ РЕСТОРАНѢ
„ВѢНА“

ул. Гоголя, 12. Тел. 477-36, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные кабинеты. Торг. до 3-хъ ч. ночи.

ГИГИЕН. РЕЗИН. ИЗДѢЛІЯ
(предохранители)

для спец. надоби. гигиен. приборы изъ зол. и серебра для дамъ и мн. др. интер. новин. Греб. илл. пр.-кур. безпл. или въ закр. конв. за 21 к. марк. Америк. складъ ДЖОНЪ РОДЖЕРСЪ. Спб., Невскій, 60—21.

ВЪ ПЫЛУ РАЗГОВОРА.

— Эхъ, развѣ я раньше такъ жилъ, какъ теперь?! Раньше у меня домъ свой былъ, поваръ, парадные обѣды, лошади были!.. А теперь что у меня есть? Только одна болѣзнь печени, и то не каждый день!

В.

Безъ лишнихъ затратъ можно въ

ПРОВИНЦІИ
ОДѢВАТЬСЯ ПО

СТОЛИЧНОМУ

для удостовѣренія выписывайте только что вышедшій новый иллюстриров. каталогъ осень и зима 1913/14 г., который по первому требованію высылается бесплатно.

Величайшій Торговый Домъ

Эсдерсъ и Схефальсъ,
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, у Краснаго моста, соб. домъ.

(Купившему на Руб. 25 въ Европейской Россіи и Кавказѣ, для всей остальной Россіи купившему на Руб. 100.)

ПЕРЕСЫЛКА и УПАКОВКА БЕЗПЛАТНО.

ПЕРСИДСКІЕ КОВРЫ

НОВЫЕ и АНТИЧНЫЕ.

РАЗНЫХЪ СОРТОВЪ и РАЗМѢРОВЪ.

Непосредственно изъ Персіи

Ю. І. ХАНЪ-ПИРА,
Эртелевъ 6, телеф. 233-45.ПОЧИНКА КОВРОВЪ ЗА НОВО
мастерами изъ Персіи.СЛОЖНЫЙ КРОВОЙ ПРЕПАРАТЪ
ГЕМОЗАНЪ

Невской Гигиенической Лабораторіи питательныхъ веществъ. Удостоен. высшей награды (золотая мед.) на международной выставкѣ питательн. веществъ въ Лондонѣ.

Рекомендуется врачами, какъ испытанное питательное и укрѣпляющее средство въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется обогатить нашу кровь составными ея частями, чтобы поднять общее питаніе, увеличить вѣсъ тѣла, улучшить аппетитъ и укрѣпить нервную систему.

Гемозанъ анализированъ въ лабораторіи при Военно-Медиц. Академіи. — Содержитъ органич. желѣзо, бѣлки, лецитинъ, нуклеинъ, глицерофосфаты, Гемоглобинъ и друг. Имѣетъ приятный вкусъ какао. Примѣняется при малокровіи, ослабленіи организма, нервности, истеріи и проч. Съ большимъ успѣхомъ принимается дѣтьми. Имѣется въ лучш. аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Цѣна 1 кор.—2 р. 80 к., 1/2 кор.—1 р. 50 к. Остерегайтесь поддѣлокъ! Главное депо: Невскій, 98. Невская Гигиенич. Лабораторія. Тел. 427-67. Р. С. Кефиръ, кумысъ, лактобациллинъ, болгарская простокваша. Доставка на домъ бесплатно.

ТРОИЦКІЙ ТЕАТРЪ

Дирекція А. М. ФОКИНА.
СПБ., Троицкая, 18. Телефонъ 174-29.

Открытие 15 сентября.

Представлено будетъ:

„Гримасы Эрота“.

Гротескъ, соч. Х.

„МОТЫЛКИ.“

Идилія Чужь-Чуженина.
Муз. В. Г. Пергамента.

„Неразговорчивый сосѣдь“,

инсценированный рассказъ

Аркадія Аверченко.

„Серебряный Вальсъ.“

Балетъ.

„Пляска шута“ изъ балета

„МЛАДА“.

„ВОЛШЕБНАЯ ПѢСНЬ фОРТУНІО“.

Оперетта. Муз. Оффенбаха.

Постановка Арт. Импер. театровъ С. Надеждина.

Художники: П. И. Гончаровъ, В. М. Гурецкій,
И. С. Школьникъ.

Капельмейстеръ: М. М. Аматыякъ.

Составъ труппы:

А. М. Александрова
К. И. Антонова
М. М. Астафьева
Н. П. Букманъ
В. А. Глаголева
Л. П. Горичъ
Т. П. Денисова
О. И. Двѣпровская
М. П. Зеленская
З. П. Бударшева
М. В. Ливанская
М. М. Матвѣева
В. А. Недурская
М. Н. Николаева
М. И. Офель-Бедкая
М. Ф. Павлицева
М. Г. Сталева
Т. В. Тамарина
П. Л. Фарфель
В. П. Чижова
А. К. Александровъ
П. Н. Андреевъ-Трельскій
Е. А. Балабановъ
Г. А. Бѣлорозовъ
С. М. Дубицкій
Г. А. Ковичъ.
Е. Е. Брюковъ.
Н. Н. Майскій.
П. Н. Никольскій.
В. Ф. Рудинъ.
М. И. Софроновъ.
В. Я. Степановъ.
Я. Г. Черненко.
С. М. Надеждинъ
арт. имп. т. зав. пост.
М. М. Аматыякъ
зав. муз. частью.
П. И. Гончаровъ
арт. имп. т. художн.
В. М. Гурецкій
художн.
И. С. Школьникъ
художн.
К. М. Куличевская
арт. имп. т. балетн.

Начало: 1-ой серіи въ 7¹/₄ час.
2-ой серіи въ 8³/₄ час.
3-ей серіи въ 10¹/₄ час.

ВЪ АНТРАКТАХЪ КИНОМАТОГРАФЪ.

Для учащихся на 1-ую серію билеты на свободныя мѣста по 60 коп.

Храненіе платья бесплатно.

Программы бесплатно.

ПАЛАСЪ-ТЕАТРЪ

Михайловская площадь, 13.
Тел. 85-99, 64-76, 149-53.

КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА-ОПЕРЕТТА.

Дирекція: И. Н. Мозговъ, В. А. Кошкинъ, В. Н. Пягалкинъ, М. С. Харитоновъ, Н. Н. Поликарповъ и Ко.

СОСТАВЪ ТРУППЫ.

Е. И. Варламова, Е. В. Эбр.-Пашковская, В. В. Кавецкая, Е. Ф. Лерма, А. Г. Пекарская, В. М. Шуванова, А. С. Аренская, Е. А. Авдѣева, В. Н. Балле, Н. А. Дарвичъ, М. В. Марьянова, О. К. Рейская, А. К. Флигенъ; Гг. Н. М. Антоновъ, А. М. Брагинъ, В. Ю. Вадимовъ, А. Ф. Валерскій, И. И. Коржевскій, М. Д. Ксендзовскій, А. Н. Феона, К. В. Дагмаровъ, К. И. Дмитріевъ, М. Ф. Клодинскій, К. Л. Людвиговъ, Н. К. Мартыненко, Н. Х. Тугариновъ.
Гл. реж. В. Ю. Вадимовъ. Реж. А. Н. Половъ. Гл. кап. В. И. Шпачекъ.

СЕГОДНЯ И ЕЖЕДНЕВНО

КОМИЧЕСКАЯ ОПЕРА И ОПЕРЕТТА.

Главн. режис. В. Ю. Вадимовъ. Главн. Кап. В. Шпачекъ.

Начало въ 8¹/₂ час. вечера.

Променуары въ театрѣ 1 руб.

Готовится въ постановкѣ Юр. Д. Бѣляева — „Птички Пѣвчія“.

Первоклассный

Кафе - концертъ

Лучшая программа Европ. сценъ при участіи знамен.

Телло и Патти.

Первоклассная кухня поруч. луч. кулинару Г. А. Ермолову.

ЛИТЕЙНЫЙ ИНТИМНЫЙ ТЕАТРЪ

ОТКРЫТИЕ ВЪ СЕНТЯБРѢ.

НАМѢЧЕНЫ КЪ ПОСТАНОВКѢ ПЬЕСЫ:

Арк. Аверченко, Вл. Азова, Юр. Бѣляева, Бор. Гейера, Н. Крашенинникова, М. Кузьмина, П. Потемкина. Режиссеры Б. С. Неволинъ. Бар. С. Унгеря, Арт. Имп. теат. Ю. Э. * * *

ТЕАТРЪ „ЗОН“

КАМЕННООСТРОВСКІЙ пр. 42.
ТЕЛЕФ. №№ 125-28, 137-94.

ОТКРОЕТСЯ

ВЪ СЕНТЯБРѢ 1913-го ГОДА
ОБОЗРѢНІЕМЪ

„ШОФФЕРЪ, КЪ ЗОНУ!“

ОБОЗРѢНІЕ. ОПЕРЕТТА. ВАРЬЕТЪ.

ВИЛЛА РОДЭ

Дирекція АДОЛЬФА РОДЭ

У СТРОГАНОВА МОСТА.

Телеф. 77-34 и 136-60.

СЕГОДНЯ

== НОВЫЕ ДЕБЮТЫ ==

БЛЕСТЯЩАЯ ПРОГРАММА иностранныхъ артистовъ.

Французскій салон. оркестръ Т. ГЕННЕБЕРЪ.
Большой хоръ цыганъ А. МАСАЛЬСКАГО.

PAVILION DE KRISTAL

Приспособленъ ко всякой погодѣ.

НОВЫЙ САТИРИКОНЪ

цѣна 15 коп

РЕ-МИ

Условія полугодовой подписки см. на первой страницѣ настоящаго номера.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Вамъ, читатель, вѣроятно, часто приходилось встрѣчать въ газетахъ объявленіе такого содержанія:

„Даромъ“ высылается каждому прекрасно исполненный съ фотографической карточки его портретъ въ рамѣ чернаго дерева съ золотымъ ободкомъ“.

Или:

„Совершенно даромъ“ — можетъ получить всякій, оплативъ только почтовые расходы, слѣдующее: каракулевую шапку съ золотымъ ободкомъ, отрѣзъ матеріи на костюмъ и одну очень полезную вещь для каждаго небогатаго семейства съ золотымъ ободкомъ“.

Не сжималось-ли сладко ваше сердце, когда вы читали это объявленіе, и не уносились-ли вы мечтами въ міръ столь доступной роскоши и обогащенія.

Издательство „Новый Сатириконъ“, заботясь объ интересахъ своихъ подписчиковъ, долго изыскивало способъ, который далъ бы возможность всякому, оплатившему почтовые и проч. расходы, получить нашъ журналъ

**„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“
совершенно даромъ!!!**

Много пришлось поработать намъ надъ разрѣшеніемъ этого принципа, и наконецъ — онъ на дняхъ былъ разрѣшенъ.

Именно — мы можемъ всякому желающему высылать за второе полугодіе журналъ

**„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“
совершенно даромъ!!!**

Просимъ только оплатить почтовые и пр. расходы въ суммѣ 3 р. 25 коп.

Нѣкоторые, можетъ быть, упрекнуть насъ въ суетномъ и вредномъ стремленіи къ дешевой популярности, къ тому, что называется „бумомъ“, но — интересы нашихъ подписчиковъ дороже намъ, чѣмъ какіе-то тамъ упреки.

И потомъ — только кто ничего не дѣлаетъ, тотъ не ошибается.

Вы спросите: что же намъ за смыслъ высылать свой журналъ *бесплатно*?

Вы забываете о нравственномъ удовольствіи.

Издательство.

Издательство „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

С.-Петербургъ, Невскій пр., 98. Телефонъ № 59-07.

Выписывающіе со склада изданія — за пересылку не платятъ.

На складѣ имѣются слѣдующія книги:

Аркадій Аверченко.

„Рассказы для выздоравливающихъ“.

Изд. 5-ое. Обложка работы художника А. Юнгера.

Цѣна въ переплетѣ 1 руб. 25 коп.

А. Мюрже.

„БОГЕМА“.

Роскошное иллюстрированное изданіе. Обложка работы художницы Миссъ.

Цѣна 1 руб. 25 коп.

Аркадій Аверченко.

„Миниатюры и монологи для сцены“.

Томъ II-й. Содержаніе: Новогодняя пасха, Рождественная кровь, Старики, Лѣто, Ложь, Знаменитый трансформаторъ, Власть рока, Таинственный гость, Прологъ, Функельманъ и сынъ, Роковая гребенка, Загадочная телеграмма.

Цѣна въ изящной обложкѣ 2 руб.

Находятся въ печати и въ скоромъ времени выйдутъ:

Аркадій Аверченко.

„СБОРНИКЪ ОДНОАКТНЫХЪ ПЬЕСЪ“.

Томъ I-й. Третье изданіе. Цѣна 2 руб.

Дмитрій Цензоръ.

„ЛЕГЕНДА БУДНЕЙ“

ЛИРИКА.

Изд. Аркадія Аверченко.

Выходитъ въ послѣднихъ числахъ Сентября. Складъ изданія „Новый Сатириконъ“ (Невскій 98).

Аркадій Аверченко.

„ЧОРТОВА ДЮЖИНА“ (двѣнадцать пьесъ).

Томъ III-й. Цѣна 2 рубля.

Юма Опискинъ

„СОРНЫЯ ТРАВЫ“.

Рассказы. Съ портретомъ автора и предисловіемъ.

Аркадій Аверченко.

РАЗСКАЗЫ. 12 выпусковъ.

(Всѣ выпуски — изданіе 3-е — 5-е). Цѣна каждаго выпуска 10 к.

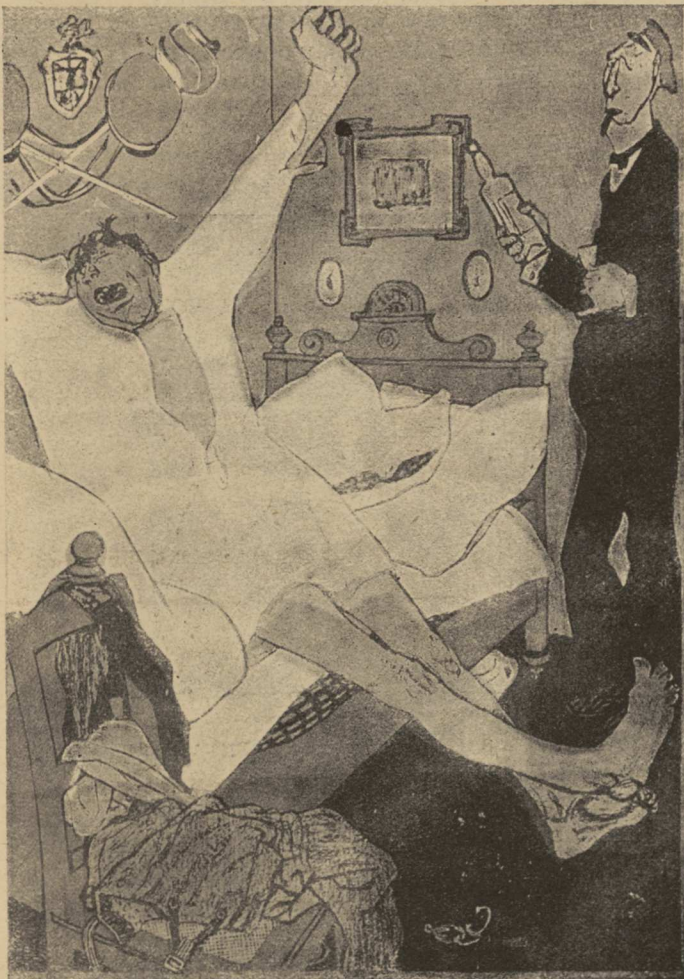

Берлинская „Alma mater“.

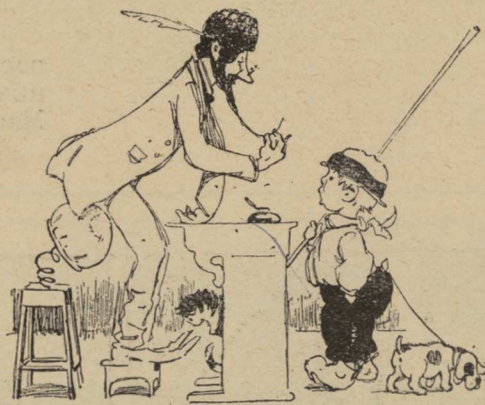

Классикъ.

Нѣмецкій учитель:—Греки при помощи флейты, сдѣланной изъ камыша, извлекали звуки... я тоже при помощи камыша извлекаю звуки.

— Ну, ужъ и родители теперь пошли. Мой старикъ отказалъ мнѣ въ деньгахъ къ именинамъ.
— А мой еще хуже меня подвелъ. Взялъ да и прислалъ деньги передъ самымъ экзаменомъ — натурально на экзаменѣ башка трещала — ну, я и провалился.

— Разскажите мнѣ что-нибудь о Людовикѣ XIV.
— Ну, нѣтъ! терпѣть не могу перемывать косточки незнакомымъ мнѣ людямъ.

Le Lire.

— Какъ! ты утверждаешь, что единица хорошей балль?!
— Мамочка! Да урокъ свой я зналъ на пять, а учитель спросилъ меня ровно пятую часть урока.

Малыши, о которыхъ наше министерство не говоритъ.

Третье!!!

ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ
3-е изданіе книги

Аркадія Аверченко

! ЧЕРНЫМЪ ПО БѢЛОМУ.

ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ.

Обложка А. Радакова.

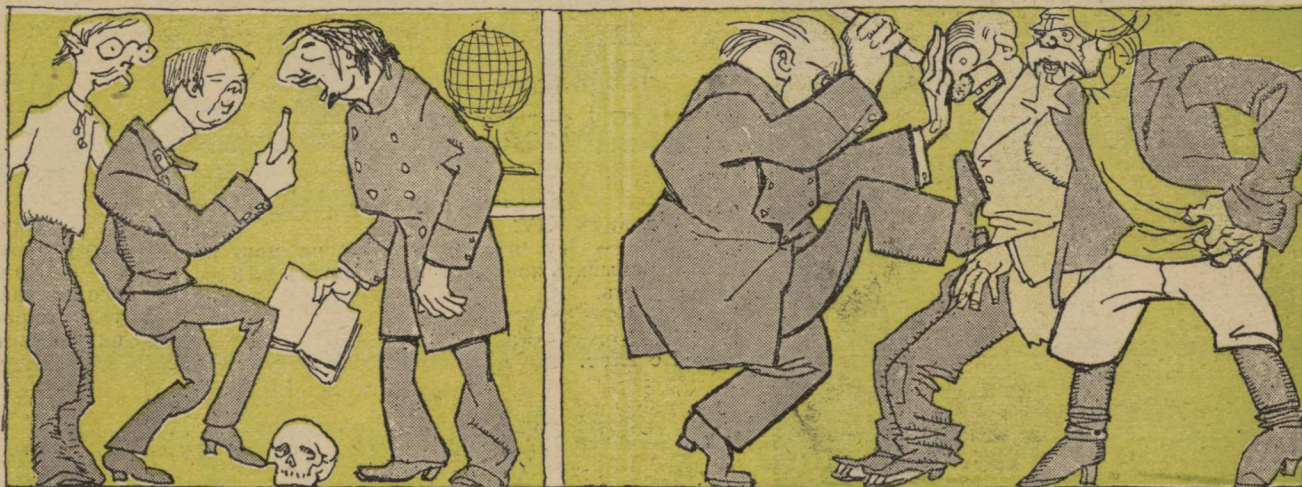
Цѣна книги 1 руб. 25 коп. — СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ: Кн. складъ „Земля“, Невскій, 55.
Выписывающіе изъ склада — за пересылку не платятъ.

ОХРАНЕНИЕ УЧАЩИХСЯ.

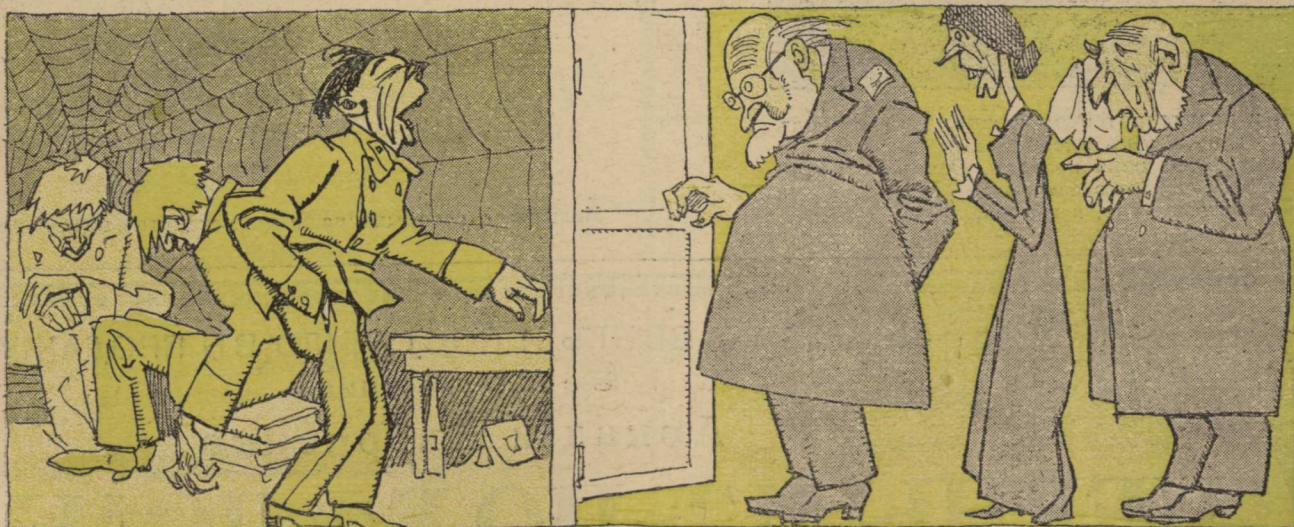
Рис. А. Радакова.

— Дѣточки, вы не балуйтесь, учитесь, а я пойду посмотрю: нѣтъ-ли гдѣ вредныхъ, антипедагогичныхъ субъектовъ! Я тщательно охраняю васъ, отъ Макса и Морица, отъ индѣйцевъ, да Пинкертоновъ.

...отъ вліянія улицы, отъ вліянія всякихъ агитаторовъ, уловляющихъ чистыя души юношей!

Педагоги: — Ну, кажется, теперь атмосфера достаточно очищена! Наконецъ-то, они могут порадовать нашъ глазъ!..

